

СЕРИЯ 6. ЯРОСЛАВЛЬ И КИЕВ

СЦЕНА 1. СТАНИЦА ЕГОРЛЫКСКАЯ, ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО, ВРЕМЕННОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ЧАСТЕЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ. Июнь 1918-го года.

Станица Егорлыкская.
Старая Свято-Николаевская церковь (уничтожена) .

Ранний вечер. Станичная улица, вся утопающая в цвету белой акации. По обеим сторонам деревянные дома, вдалеке виднеется Николаевская церковь. По дороге тянется несколько телег, повозок. Среди них двуколка, крытая брезентом, на боках нашиты красные кресты. Рядом с ездовым сидит ТАЛОЧКА (белый плат на голове, тёмное платье, на левой руке повязка с красным крестом). Сзади появляется группа кавалеристов, которые по одному стараются объехать повозки. Среди них ГЛЕБ. Он в фуражке и френче цвета хаки, погоны с гусарским зигзагом, малиновые галифе с гусарским кантом заправлены в сапоги. На боку шашка. Талочка всматривается в кавалеристов и соскакивает с двуколки.

ТАЛОЧКА. *Глеб!!!*

Глеб оборачивается, останавливает лошадь, соскакивает с неё.

ГЛЕБ. *Ну, здравствуй!*

СЦЕНА 2. БЕЛГОРОД. ДОМ СОКОЛОВЫХ. Июнь 1918-го года.

Большая гостиная, довольно богато обставленная, красный угол со множеством икон. На диване присели перед дорогой СОКОЛОВ (в штатском, у ног стоит небольшой чемодан), ВАРВАРА, ОЛЬГА МАТВЕЕВНА (мать Соколова, сухопарая женщина лет 50-ти). Встают.

СОКОЛОВ. *Благословите на дорогу, матушка.*

Ольга Матвеевна крестит сына, тот целует ей руку.

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Остаться уговаривать не буду в сотый раз, всё равно не послушаешь. По крайней мере, береги себя, если не для меня, то для Варвары.*

СОКОЛОВ. *Так точно, не беспокойтесь, матушка.*

(Подходит к Варваре, нежно обнимает её.)

Всё, Варенька, мне пора, поезд через полчаса. Будь умницей!

ВАРВАРА. *А я вот беспокоюсь...*

СОКОЛОВ. *Я же сказал: всё будет хорошо!*

ВАРВАРА. *Я беспокоюсь, что опять найдётся какая-нибудь Лидия Джексон.*

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Это ещё кто?*

СОКОЛОВ. *Не обращайтесь внимания, матушка – девичьи фантазии.*

(Варваре.)

Опять ты со своими выдумками. Мы, вроде бы, уже всё выяснили.

(Ещё раз обнимает Варвару и мать, берёт чемодан и направляется к двери, на пороге оборачивается.)

Никогда не думал, что буду благодарен немцам. А теперь – пусть немцы, зато вы при них в безопасности. Только бы не большевики.

Соколов уходит. Ольга Матвеевна и Варвара крестят его в спину.

Белгород.

СЦЕНА 3. СТАНИЦА ЕГОРЛЫКСКАЯ.

ГЛЕБ и ТАЛОЧКА идут по станичной улице. По дороге небольшое движение.

ГЛЕБ. *Как же вы нашли Фёдора?*

ТАЛОЧКА. *Да совершенно случайно. Игнат, он был у нас ездовым, повёз меня в станцию Мечётинскую за перевязочным материалом. Я копаюсь на складе, тут прибегает Игнат и кричит: Федюшка тут рядом, в лазарете.*

ГЛЕБ. *Ранение серьёзное?*

ТАЛОЧКА. *Не очень, навывлет прошло. Но пока довезли, началось нагноение. Потом, в Мечётинской пошёл на поправку. Но дело даже не в ранении...*

ГЛЕБ. *А что ещё?*

ТАЛОЧКА. *Соня убита под Екатеринодаром...*

ГЛЕБ. *О, Боже!*

(Крестится.)

При нём?

ТАЛОЧКА. *Нет, Федя тогда уже был ранен. Так и не может прийти в себя: весь мир не воспринимает. Мы решили, что Игнат повезёт его в Москву к своему «ветелинару»-целителю. Пусть отлежится.*

ГЛЕБ. *Правильно, какой он сейчас вояка...*

(Обнимет Талочку за плечи.)

И всё-таки вечер чудесный!

Сбегаёт на обочину, срывает ветку белой акации. Возвращается и касается соцветием лица Талочки. Та берёт ветку в руку и счастливо улыбается.

СЦЕНА 4. ЯРОСЛАВЛЬ. ЛЕОНТЬЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ. Июнь 1818-го года.

Ночь. Кладбище на окраине Ярославля. Белеет храм святителя Леонтия Ростовского. Вдали на шоссе – здание артиллерийского склада, дверь приоткрыта, из неё падает полоса света. По нескольким дорожкам и тропинкам к кладбищу тянутся редкие тёмные фигуры. Сзади всех медленно идёт ПОЛКОВНИК ПЕРХУРОВ, руководитель намечающегося Ярославского восстания. Волевое лицо, торчащие усы, небольшая борода; на плечах дождевой плащ, на голове шляпа. Его догоняет СОКОЛОВ.

Леонтьевское кладбище в Ярославле.
Храм святителя Леонтия Ростовского

ПЕРХУРОВ. *Запаздываете, ротмистр.*

СОКОЛОВ. *Ко мне конный патруль привязался, пришлось огибать. Да и вы, Александр Петрович, что-то не торопитесь.*

ПЕРХУРОВ. *Боюсь... Боюсь разочароваться. Вчера, вы помните, собралось только семьдесят человек. Пришлось отложить выступление. Сегодня откладывать никак нельзя: красные уже многое знают о наших планах.*

СОКОЛОВ. *Ещё раз всех оповестили: должно явиться больше народу.*

ПЕРХУРОВ. *Твёрдо решил начинать выступление, только если соберётся не менее ста человек. Если будет 99, всё отменю, и отправимся в Рыбинск.*

СОКОЛОВ. *Однако вы фаталист, полковник.*

ПЕРХУРОВ. *Может быть...*

Они заходят на кладбище, оно пустынно. Перхуров вынимает из-под плаща фонарь, трижды зажигает и выключает его, света в разные стороны. Потом трижды пронзительно свистит. Кладбище сразу оживает: как бы из могил поднимаются силуэты. Офицеры, которые скрывались за памятниками, окружают Перхурова.

ПЕРХУРОВ. *Господа, тем, с кем ещё не знаком, представляюсь. Командующий вооружёнными силами Ярославского района Северной Добровольческой армии полковник Перхуров. Для начала произведём переключку, чтобы выяснить наши силы.*

СЦЕНА 5. СТАНИЦА ЕГОРЛЫКСКАЯ.

ГЛЕБ и ТАЛОЧКА идут, обнявшись, уже по другой улице станицы. Талочка нюхает соцветие акации. Глеб держит в руке фуражку. Пустынно. Некоторые окна домов освещены.

Столетний дуб в станице Егорлыкской.

ТАЛОЧКА. *Как похоже...*

ГЛЕБ. *Ты о чём?*

ТАЛОЧКА. *Странно... Я поймала себя на том, что сейчас всё время вспоминаю, как шли с тобой полгода назад у нас по Немецкой... Как будто мы продолжаем тот путь...*

ГЛЕБ. *Неужели только полгода прошло?*

ТАЛОЧКА. *Даже чуть больше.*

ГЛЕБ. *Не чуть... Целая вечность...*

ТАЛОЧКА. *А я тебе уже признавалась...*

ГЛЕБ. *Что любишь заглядывать в чужие окна? Не советую это делать здесь – казачки не поймут, за шашки схватятся.*

ТАЛОЧКА (со смехом ударяет Глеба кулаком по плечу). *Дурак!.. А скажи, ты помнишь...*

ГЛЕБ. *Как я тебя увидел в первый раз?*

ТАЛОЧКА (уже обиженно). *Дурак!.. Дурак!..*

ГЛЕБ (улыбаясь). *Это ты – дуручка. Я всё, всё помню, родная...*

СЦЕНА 6. МОСКВЕ. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА. СПАЛЬНЯ ТАЛОЧКИ.

7 месяцев назад – ночь на 27-е октября 1917-го года.

Темно. Горит одна свеча. Видны только силуэты и слышны голоса. ГЛЕБ укладывает ТАЛОЧКУ на кровать, над кроватью высокий полог-шатёр. Глеб, уложив Талочку, собирается выпрямиться, но она удерживает его за руку.

ТАЛОЧКА. *Глеб, будь моим настоящим мужем.*

ГЛЕБ. *Когда?*

ТАЛОЧКА. *Сейчас!*

Свеча горит за пологом, и потому в контражуре видны их тени и слышны едва различимые голоса. Тень Глеба повисает над лежащей Талочкой, голова его откидывается, тень профиля на полотне полога отчеканена, как монета. Раздается длинный фальцетный выдох.

ГЛЕБ. *Ну, здравствуй!*

Свеча гаснет.

СЦЕНА 7. МОСКВА. БОЛЬШОЙ ТЕАТР.

ЗАСЕДАНИЕ V ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ. Июнь 1818-го года.

Заседание ещё не началось, ДЕЛЕГАТЫ усаживаются на места. В президиуме сидят ТРОЦКИЙ (быстро пишет), МИХАИЛ КЕДРОВ и ДРУГИЕ. Около них толпятся делегаты. К президиуму подбегает ВОЛКОВ с бумагами в руках. Оттесняя делегатов, пробивается к Троцкому.

ВОЛКОВ. *Товарищ Троцкий, позвольте доложить о Ярославском мятеже.*

(Троцкий продолжает писать.)

Я делегат от Ярославля Дмитрий Волков, меня уже здесь забросали телеграммами и телефонограммами. В Ярославле – мятеж.

ТРОЦКИЙ (поднимая голову). *Что?*

ВОЛКОВ. *В Ярославле арестована Советская власть, город захвачен, но кем точно – неизвестно: то ли чехословаками, то ли правыми эсерами.*

КЕДРОВ (наклоняясь к Троцкому). *Это неверно – я только что из Ярославля – там всё спокойно.*

ТРОЦКИЙ. *Провокация!*

ВОЛКОВ (тряся бумагами). *Как – неверно! Вот телеграммы, почитайте сами!*

ТРОЦКИЙ (Кедрову). *Распространяющих провокационные слухи надо бы разстреливать.*

Троцкий снова обращается к своим записям. Кедров устремляет на Волкова тяжёлый взгляд.

СЦЕНА 8. МОСКВА. БОЛЬШОЙ ТЕАТР.

ВОЛКОВ в отчаянии спускается в зал, идёт к двери и сталкивается с входящим АСТРОНОМОМ.

Д.Б. Альховский. «В.И. Ленин на V Всероссийском съезде Советов».

ВОЛКОВ. *Константин Алексеевич, хоть вы мне помогите! Троцкий отказывается слушать.*

АСТРОНОМ (пожимает ему руку). *Здравствуйте, товарищ Волков. А в чём, собственно, дело?*

ВОЛКОВ. *Вот, посмотрите!*

Волков протягивает пачку телеграмм. Астроном внимательно читает их.

АСТРОНОМ. *Да, дело, кажется, принимает серьёзный оборот. Так что Троцкий?*

ВОЛКОВ. *Говорит – провокация.*

АСТРОНОМ. *Сейчас сюда должен прибыть Владимир Ильич, попробуем переговорить с ним.*

(В зал входит Ленин. Астроном направляется к нему и берёт за локоть. Волков идёт следом.)

Владимир Ильич, извините, но дело очень серьёзное, отлагательства не допускает. Вот товарищ из Ярославля сообщает – там настоящий мятеж.

ЛЕНИН. *Идите к Льву Давидовичу, пусть срочно принимает меры.*

АСТРОНОМ. *Слышать ничего не хочет.*

ЛЕНИН. *Ну как же! Он чувствует себя победителем, Бонапартом! Хотя эсеров здесь, в Москве, вовсе не он разгромил, а этот скользкий латыш Вацетис. Ну, рассказывайте, что там в Ярославле.*

(Усаживаются на пустые делегатские места).

Вот здесь, кстати, и сидели левые эсеры.

(Смеётся.)

Теперь, когда мы всю эту мразь пересажали, и места стало больше, и воздух чище.

(Берёт телеграммы, бегло просматривает их. Лицо Ленина белеет. После некоторой паузы он обращается к Астроному.)

Они пишут: «Вышлите какого-нибудь распорядителя с железной волей для восстановления порядка и ликвидации создавшегося положения». Вам и карты в руки, товарищ Млечин.

Срочно берите бронепоезд и выезжайте. Всё должно быть ликвидировано в наикратчайшие сроки.

АСТРОНОМ. *Каковы мои полномочия, Владимир Ильич?*

ЛЕНИН. *Неограниченные! Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, разстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая, не допуская идиотской волокиты.*

ВОЛКОВ. *Владимир Ильич, Ярославль просит подкреплений, у них очень мало сил. Нам снова к товарищу Троцкому обратиться?*

ЛЕНИН. *Нет, пусть товарищ Троцкий здесь покрасуетя. Мы обратимся к практикам.*

(Достаёт карандаш и быстро пишет на обратной стороне «ярославских» листков).

Вот вам записка в Оперативный отдел к товарищу Аралову. Пусть стягивает к Ярославлю надёжные отряды, посылает пушки, броневые машины, бронепоезда, самолёты. Обо всём докладывать мне лично. И никакой пощады врагам революции! В добрый путь, товарищи!

Ленин встаёт и быстро проходит в президиум.

СЦЕНА 9. СТАНЦИЯ ВСПОЛЬЕ ПОД ЯРОСЛАВЛЕМ.

**Командующий Южным Ярославским фронтом Юрий Станиславович ГУЗАРСКИЙ (1885–1919)
– новая маска АСТРОНОМА.**

По требованию Гузарского в Ярославль было доставлено оружие массового поражения: химические (погодные условия не позволили применить) и зажигательные (ими сожжён город) снаряды. Шантажом вынудил немецкое командование выдать красным сдавшихся участников возстания. Организовал массовые казни. Позже командовал дивизией Красной армии. По приказу Троцкого осуждён военным трибуналом и разстрелян «за невыполнение приказов, своевременную неявку в штаб и дискредитацию политработников».

На станцию прибывает состав: бронепоезд (на нём крупная надпись белой краской «Свобода или смерть!»), платформы с орудиями, вагоны с солдатами. Вся платформа запружена красноармейцами, среди них выделяются китайцы с косичками. Из вагонов высыпают латышские стрелки. Из штабного вагона спускается комиссар отряда ВОЛКОВ (на нём китель, галифе, фуражка). Рядом с ним – АННА (в шинели и каске). Чуть позже в проёме вагона появляется АСТРОНОМ. У него новая маска – красного командира ЮРИЯ ГУЗАРСКОГО. Астроном поднимает руку с наганом вверх. Платформа затихает.

Броневики Красной армии на станции Всполье летом 1918-го года.

АСТРОНОМ. *Здравствуйте, товарищи красноармейцы! Я, краском Гузарский, привез вам коммунистически привет от Съезда Советов и лично товарища Ленина!*

(На платформе кричат «Ура!».)

И чтобы не быть голословным, я привёз ещё вот это подкрепление.

(Обводит рукой бронепоезд, платформы с орудиями, стройные ряды латышей. Красноармейцы снова кричат «Ура!».)

Белогвардейский мятеж должен быть подавлен самыми безпощадными мерами. Ничто не должно останавливать или замедлять суровой кары народной. Если потребуется, сроем город до основания. Смерть белогвардейцам и их прихвостням!

(На платформе кричат «Смерть!».)

Мне стало известно, что здесь варварски убиты белогвардейскими бандитами наши товарищи Закгейм и Нахимсон. Мы ждем от вас ответа: сколько сотен гадов и паразитов истребили вы за эти драгоценные жизни наших друзей? Поп, офицер, банкир, фабрикант, монах, купеческий сынок — всё равно. Ни ряса, ни мундир, ни диплом не могут им быть защитой.

(На платформе кричат «Смерть!».)

Никакой пощады белогвардейцам!

СЦЕНА 10. СЕЛО ПЕСЧАНОКОПСКОЕ, ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО Июнь 1818-го года.

Ночь. Вдали виднеются очертания мельницы. В темноте к селу приближается отряд полковника Лихачёва. Вдруг с разных сторон пулемётные расчёты красных открывают бешеный огонь. Белые падают один за другим. Со стороны села загораются прожекторы, и

начинается атака красных отрядов. ЛИХАЧЁВ лежит на земле, истекая кровью, пытается дотянуться до кобуры. К нему подбегают 2-й и 3-й МАТРОСЫ (серия 3, сцены 22-23; серия 4, сцена 10), отчаянно бьют прикладами. Звучит песня красноармейцев:

*Смело мы в бой пойдём
За власть трудовую
И всех «дроздов» побьём,
Сволочь такую...¹*

СЦЕНА 11. СТАНЦИЯ ВСПОЛЬЕ ПОД ЯРОСЛАВЛЕМ.

К шагающему вдоль рельс АСТРОНОМУ подбегает КРАСНОАРМЕЕЦ.

Штабные вагоны Красной армии на станции Всполье. В центре – Юрий ГУЗАРСКИЙ.
Если следовать сценарию, то справа от него – АННА, а крайний слева – ВОЛКОВ.

КРАСНОАРМЕЕЦ. *Товарищ Гузарский, идёмте в штаб: по телеграфу пришло срочное сообщение для вас.*

Астроном поднимается в штабной вагон. За телеграфным аппаратом сидит студент МАРК ЛЕВИЦКИЙ. Астроном подходит к нему.

АСТРОНОМ. *Ну что там ещё?*

ЛЕВИЦКИЙ (читает). *«Ярославль. Т. Гузарскому. Поступило сообщение: французы готовят десант из Архангельска на помощь вашим белогвардейским ублюдкам. Приготовьте всё для сожжения Ярославля полностью в случае нашествия. Объявим об этом печатно. Когда на месте города будет пепелище, никакие французские империалисты туда не сунутся. Доложить об исполнении. С коммунистическим приветом Владимир Ленин».*

(Пауза.)

Надо же, сам Ленин!

АСТРОНОМ. *Ленин, Ленин... Передавай срочно: Москва. Заведующему оперативным отделом Народного комиссариата военных и морских дел т. Аралову. Первое: необходим*

¹ Один из красноармейских вариантов песен на мелодию известного романса «Белой акации грозди душистые...».

стойкий однородный отряд в тысячу человек (лучше латышей). Второе: жду срочной присылки тяжёлых шестидюймовых гаубичных гранат три вагона, зажигательных и химических по одному вагону.

ЛЕВИЦКИЙ (поднимая голову от аппарата). Химических?

АСТРОНОМ. Да-да, химических! Вытравим всю эту нечисть, как вредных насекомых! (Откашливается.)

Телеграфируй дальше: в наших интересах действовать быстро, для этого мне нужно получить всё сразу, а не частично. В течение 48 часов. Мятеж можно будет ликвидировать. Я кончил. – Гусарский.

СЦЕНА 12. ТУГОВА ГОРА ПОД ЯРОСЛАВЛЕМ. ХРАМ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ.

С территории храма по Ярославлю стреляет крупнокалиберная пушка, возле неё орудийный расчёт. После каждого выстрела из будки, стоящей у соседнего дома, слышен собачий лай. Красноармейцы подкатывают ещё одно орудие. Распоряжается всем комиссар ВОЛКОВ. Неподалёку настоятель храма ОТЕЦ НИКОЛАЙ копает яму. Рядом стоит караульный. С подошедшей телеги соскакивает АННА, подходит к Волкову.

Церковь великомученицы Параскевы Пятницы на Туговой горе.

АННА. Ты вызывал меня? Зачем?

ВОЛКОВ. Аннушка, нужно сходить в город на разведку. Женщину с твоей внешностью они меньше всего заподозрят. Придумай предлог и постарайся проникнуть в их штаб, узнать, хотя бы приблизительно, что они собираются предпринять. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь из этой банды ушёл.

АННА. Хорошо, я попробую.

ВОЛКОВ. Только будь осторожна, милая! (Целует её.)

Люблю тебя!

(Оборачивается к артиллеристам.)

Зажигательными! Стрелять только зажигательными! Город должен пылать!

АННА (замечая отца Николая, копающего яму и указывая на него). А это ещё что такое?

ВОЛКОВ. Белогвардеец в рясе! Наши солдатики недаром говорят, каждый попик – пулемётчик.

АННА. *Он что, стрелял?*

ВОЛКОВ. *Стрелял – не стрелял, но отсюда точно огонь по нам вели. А когда мы пришли и хотели свой пулемёт на колокольню поставить, этот руки растопырил: не дам осквернять храм Божий, хоть разстреливайте. Вот мы и выполняем его желание. А могилу пусть сам копает, тут слуг нету.*

АННА. *Ты с ума сошёл! Ты и моего отца смог бы так вот убить?*

ВОЛКОВ. *При чём тут твой отец? Мы боремся с врагами и уничтожаем их! Слышала бы ты, как говорил товарищ Ленин: никакой пощады врагам революции! Это он мне говорил, Дмитрию Волкову! И я буду бороться до конца.*

АННА. *Со священниками? Митя, в кого ты превратился!*

ВОЛКОВ. *В бойца революции! Не разводи слюни, Аня. Отправляйся в город. У тебя наисерьёзнейшее задание.*

Волков пытается ещё раз поцеловать Анну, та отстраняется. Волков идёт к орудиям. Анна застывает в оцепенении.

СЦЕНА 13. ЦЕНТР ЯРОСЛАВЛЯ.

Ярославль летом 1918-го года.

Город горит. Зарево окрашивает всё вокруг тёмно-красным светом. Стоит общий гул от стрельбы, слышен свист пролетающих снарядов. Везде видны следы разрушений, то горящие, то дымящиеся здания. Мостовая покрыта всяческими обломками. Прижимаясь к домам, по городу пробирается АННА (в платье, жакете, шляпке). Совсем близко раздаётся взрыв. Анна впечатывается в нишу здания и останавливается. Напротив неё – столб с приклеенным листком; он полуоборван, видна только нижняя часть. Анна читает. За кадром звучит ГОЛОС ПОКОВНИКА ПЕРХУРОВА:

«Граждане! Власть большевиков в Ярославской губернии свергнута. Все, кто способен носить оружие, пусть идет в Добровольческую армию. Как триста лет тому назад наши предки в высоком патриотическом подъеме сумели залечить раны растерзанной родины, так и мы в дружном порыве спасём нашу родину и наш народ от позора, рабства и голода».

Вдруг сквозь гул стрельбы прорывается громкий мужской голос:

*Да, час настал, тяжёлый час
Для родины моей.
Молитесь, женщины, за нас,
За наших сыновей.²*

Руководитель Ярославского восстания полковник (с 1919-го – генерал-майор) Александр Петрович ПЕРХУРОВ (1876–1922, разстрелян большевиками).

К Анне подбегает ЮНКЕР с георгиевской ленточкой в петлице.

ЮНКЕР. *Что же вы стоите здесь, барышня! Ведь убьёт! Прячьтесь!*

АННА. *Мне срочно нужно в штаб Добровольческой армии. У меня важное сообщение. Проводите меня, молодой человек.*

ЮНКЕР. *Ну пойдёмте, тут близко, в банке.*

Идут вдоль стен.

СЦЕНА 14. СЕЛО ПЕСЧАНОКОПСКОЕ, ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО.

С самого начала сцены тихо звучит мазурка Венявского. В село вступают пешие белые отряды. Красные, полуодетыми, выскакивают из домов. Завязывается уличный бой. Плают соломенные крыши. Мазурка звучит громче. Справа с криками «Ура!!!» врывается белая кавалерия. Красные панически бегут из села. ГЛЕБ с озверевшим лицом рубит убегающего красного командира. Мазурка звучит громко.

СЦЕНА 15. ЯРОСЛАВЛЬ. ШТАБ ВОЗСТАНИЯ.

Над картой склонилось несколько офицеров. Среди них ПОЛКОВНИК ПЕРХУРОВ И КОНСТАНТИН СОКОЛОВ (у всех на рукавах или в петлицах георгиевские ленты). Входят ЮНКЕР и АННА.

ЮНКЕР. *Господин полковник, вот барышня хочет что-то важное сообщить.*

Офицеры поднимают головы от карты. Соколов бросается к Анне.

² Песня «Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горишь в огне...» на слова Галины Ганиной (Г.Н. Ринкс).

СОКОЛОВ. *Аня! Боже мой! Ты-то как здесь очутилась?*

ПЕРХУРОВ. *Вы знакомы? Вот и разберитесь, ротмистр, что там за важное донесение.*

СОКОЛОВ. *Пойдём, Аня, пойдём.*

Выводит её из комнаты.

СЦЕНА 16. ТУГОВА ГОРА ПОД ЯРОСЛАВЛЕМ. ХРАМ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ.

Артиллеристы продолжают стрельбу. В перерывах между выстрелами по-прежнему слышен собачий лай. У вырытой ямы на коленях стоит и молится ОТЕЦ НИКОЛАЙ. Вокруг расхаживают несколько КРАСНОАРМЕЙЦЕВ. Отец Николай поднимается с колен и обращается к красноармейцам.

Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Настоятель церкви Великомученицы Параскевы Пятницы на Туговой горе священник Николай Иванович БРЯНЦЕВ (1867–1918), погибший при обстоятельствах, описанных в данной сцене, прославлен в лике новомучеников и исповедников в 2001-м году.

ОТЕЦ НИКОЛАЙ. *Я готов. Последняя просьба: не стреляйте в лицо.*

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ (передёргивая затвор). *Это ещё почему? Ишь ты! Куды стрельнём, туды и попадём.*

Вдруг из будки с отчаянным лаем вырывается большая лохматая дворняга с обрывком верёвочной привязи на шее. Она подбегает к священнику, садится у его ног, лижет руку. Тот гладит по шерсти.

ОТЕЦ НИКОЛАЙ. *Ну, Полкан, чего ты... Иди к себе...*

2-й КРАСНОАРМЕЕЦ. *Фу ты, ажно напугала, бесьяка.*

Вскидывает винтовку и стреляет в дворнягу. Пёс взвизгивает, падает. Кровь брызжет на подрясник священника. 1-й красноармеец берёт за холку труп собаки и швыряет в яму.

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ. *Во, одной собакой меньше. Щас к ней и другая пойдёт.*

ВОЛКОВ проходит мимо, не обращая внимания на происходящее у ямы. 1-й красноармеец стреляет в грудь отцу Николаю. Тот падает, левой рукой зажимает рану, правой крестится.

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ. *Во, как заказывал, в лицо не попал. Щас dokonчу.*

2-й КРАСНОАРМЕЕЦ. *Зачем? И так сойдёт. Земелькой засыплем, и всё тут.*

Ногой скидывает священника в яму. Оба берут лопаты и начинают засыпать. За кадром звучит ГОЛОС ЛЕНИНА:

Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, разстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатать и превращать в склады.

Красноармейцы продолжают кидать землю в яму. Оттуда слышится ГОЛОС ОТЦА НИКОЛАЯ:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного раба Твоего Николая. В руце Господи предаю дух мой. Аминь.

СЦЕНА 17. ШТАБ ВОЗСТАНИЯ, КОМНАТА В ЗДАНИИ ЯРОСЛАВСКОГО БАНКА.

Полупустая комната. За столом сидит, положив голову на руки, АННА. По комнате ходит СОКОЛОВ, курит.

Ярославль летом 1918-го.

СОКОЛОВ. *Анечка, успокойся. Тебе нельзя больше быть с ним.*

АННА (поднимая голову, со злостью). *А с кем? С тобой?*

СОКОЛОВ. *Не знаю...*

АННА. *Это ты, ты всё затеял. Вы начали.*

СОКОЛОВ. *Ты прекрасно знаешь, кто начал. Но дело не в этом. Тебе надо вырваться из этого ада.*

АННА. *Ад... Ад... Ты бы видел этого несчастного батюшку... Его, наверное, уже убили...*

СОКОЛОВ (обнимая Анну за плечи). *Не надо, Аня.*

АННА. *Ты бы видел каменное, спокойное лицо Дмитрия. Кажется, этот Млечин, как демон, из него одну душу вынул, а другую вложил.*

СОКОЛОВ (целует волосы Анны). *Аня, Анечка, успокойся.*

(Резко отстраняется и отходит.)

Все мы становимся другими... Закрутилась мясорубка. Теперь один закон: либо мы их, либо они нас... Они стреляют, мы стреляем...

АННА. *И ты – такой же!*

СОКОЛОВ. *Только я с батюшками не воюю. Я как на фронте. Правда, фронт этот величиной с целый мир. Лежу вчера за пулемётом и не пойму, в какой стране всё происходит. То латыши, то китайцы против меня, то венгры...*

АННА. *И русские...*

СОКОЛОВ. *И русские, конечно... Ну хватит... К Волкову я тебя не пущу! Вырвемся отсюда как-нибудь, и отвезу Анечку домой.*

АННА. *А ты знаешь, где мой дом? Я не знаю...*

СОКОЛОВ. *Бедная Анечка!*

Соколов подходит к Анне и страстно целует её, та отвечает.

СЦЕНА 18. СЕЛО ПЕСЧАНОКОПСКОЕ, ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Село захвачено белыми. В поле, заросшем жесткой травой, в ряд лежат несколько чёрных, обгоревших, обезображенных тел. К ним приближается группа белых офицеров и солдат. Среди них – ПОЛКОВНИК ДРОЗДОВСКИЙ, его АДЪЮТАНТ, ГЛЕБ. Мимо проводят цепь пленных красноармейцев. Дроздовский переходит от тела к телу.

Поле и дорога в селе Песчанокопском.

АДЪЮТАНТ (останавливается у одного из тел и обращается к Дроздовскому). *Это – полковник Лихачёв. Его пытали и сожгли живым.*

Дроздовский останавливается, держа фуражку в левой руке, правой крестится. Снимает пенсне. Глеб опускается на колени перед телом Лихачёва и тоже крестится.

АДЪЮТАНТ (указывая на удаляющуюся цепь пленных). *Что с этими делать, Михаил Гордеевич?*

ДРОЗДОВСКИЙ (как бы не слышит вопроса, лицо его передергивается, тихо говорит ни к кому не обращаясь). *Мы – обречённые и обрекающие...*

Дроздовский резко разворачивается, идёт в сторону села. Глеб встаёт с колен и быстро направляется в сторону пленных красноармейцев, на ходу разстёгивая кобуру.

СЦЕНА 19. ДАЧА ОТЦА ПЕТРА ПОД СЕРГИЕВЫМ ПОСАДОМ.

Через две недели – июль 1918-го года.

ОТЕЦ ПЁТР стоит перед импровизированным аналоем и тихо читает разрешительную молитву после исповеди СОКОЛОВА.

ОТЕЦ ПЁТР. *...И аз, недостойный иерей, властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.*

(Отец Пётр снимает с головы Соколова епитрахиль, тот целует Крест и Евангелие, берёт благословение.)

Что ж, Константин, теперь пойдём, прогуляемся. Скоро Аннушка с Агафьей должны с базара вернуться, может, встретим их.

Выходят из дома, проходят сад, идут по просёлочной дороге.

СОКОЛОВ. *Отец Пётр, мне и на исповеди тяжело было говорить, и сейчас тяжело.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Ничего, ничего... Если тяжело, значит, серьёзно.*

СОКОЛОВ. *Только и делаю, что сначала запутываюсь, а потом приходится выпутываться... Вот, помните, с Чёрным полковником, как его Глеб называл... Тогда ведь вы с владыкой Нестором меня спасли от искушения. Совсем, было, разум потерял...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Не мы – Господь спас.*

СОКОЛОВ. *Но в этом-то теперь я на твердой почве стою... А вот женщины...*

Опять закрутило...

ОТЕЦ ПЁТР. *Что делать-то собираешься? Надумал?*

СОКОЛОВ. *Всё в себе перемолол и надумал... Твёрдо решил... Чего я всё вокруг и около... Отец Пётр, прошу у вас руки Варвары... Дерзость, конечно, с моей стороны после всего...*

ОТЕЦ ПЁТР. *А что же Аннушка?*

СОКОЛОВ. *Это тоже был морок – и у меня, и у неё. И вообще весь Ярославль как в тумане вспоминаю...*

СЦЕНА 20. СЕРГИЕВ ПОСАД.

По дороге идут ОТЕЦ ПЁТР и СОКОЛОВ. С базара навстречу им выходит СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ (с мешочком за плечами и суковатой палкой в руке), которого отец Пётр подвозил по дороге в Посад (серия 4, сцена 21).

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Ишь ты! Опять мы с тобой, отец Пётр, встретились!*

ОТЕЦ ПЁТР. *Здравствуйте, батюшка, здравствуйте! Где сейчас обитаете?*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Да я везде.*

(Всматривается в Соколова.)

А это кто такой? Зять твой, что ли?

ОТЕЦ ПЁТР (улыбается). *Только ещё собирается в зятя.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Собирается? Вот и бери – справный молодец!*

ОТЕЦ ПЁТР (улыбается). *Да он ещё не решил, которую дочку брать.*

СОКОЛОВ (смущённо). *Отец Пётр...*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Младшую выдавай, младшую, егозу.*

СОКОЛОВ. *Судьба!*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ (после некоторой паузы, крестясь). *Царь Николай усон и сродники его. Царствие Господнее мученикам.*

ОТЕЦ ПЁТР и СОКОЛОВ. *Как?!*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Убили их слуги дьяволы. Кровь эта теперь на всех нас.*

СОКОЛОВ. *Откуда вы, дедушка, знаете?*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Чего? А... это... Долго живу, вот всё и знаю.*

(После паузы.)

А Варюшку-то выдавай за молодца, отец Пётр, выдавай.

Базар в Сергиевом Посаде.

Отец Пётр и Соколов стоят как окаменевшие. Монах исчезает. С базара показываются АГАФЬЯ и АННА.

СЦЕНА 21. КИЕВ, КРЕЩАТИК, ОКОЛО ДОМА, В КОТОРОМ ОСТАНОВИЛСЯ ГЕНЕРАЛ ГРАФ КЕЛЛЕР. Прошло почти 4 месяца – начало ноября 1918-го года.

К дому подъезжает экипаж. На козлах сидит ИГНАТ (в шинели). В самом экипаже – ЕПИСКОП НЕСТОР (в архиерейском облачении) и ФЁДОР АРХАНГЕЛЬСКИЙ (в демисезонном пальто).

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Ты, Игнатушка, меня не жди. У нас с генералом разговор должен быть долгий. Так что, часика через два-три подъезжай.*

ИГНАТ. *Само собой.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Фёдюшка, пойдём.*

ФЁДОР. *Владыка, я лучше с Игнатом останусь.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Опять унынию предаёшься. Грех это, смертный грех.*

(Указывает на небо.)

Смотри, вон солнышко проглянуло, и ты сияй.

(После некоторой паузы.)

Ладно, тебе решать, Фёдюшка. Пойду я.

Спускается с портфелем в руках и входит в подъезд. Игнат слезает с козел и начинает поправлять упряжь, бурча себе под нос.

**СЦЕНА 22. БЕЛГОРОД. СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СОБОР.
Начало ноября 1918-го года.**

К собору подъезжают экипажи, из них выходят люди, приехавшие на венчание. Среди них – жених и невеста – СОКОЛОВ И ВАРВАРА. Они останавливаются у паперти. Люди заходят в собор.

**Троицкий собор Белгородского мужского Свято-Троицкого монастыря (уничтожен) .
В нём находилась рака с мощами Святителя Иоасафа Белгородского.**

СОКОЛОВ. Варенька, придётся немного подождать: владыка Никодим подьедет чуть позже. Моя матушка в самый последний момент уговорила, чтобы именно он нас венчал. Хотя, честно говоря, я хотел, чтобы всё было попроще. Да ладно...

ВАРВАРА. Костя, я боюсь...

СОКОЛОВ. Кого боишься? Владыки? Не бойся, глупенькая, он совсем не страшный, а очень даже симпатичный.

СЦЕНА 23. КИЕВ. КРЕЩАТИК.

ИГНАТ продолжает поправлять упряжь. ФЁДОР сидит в экипаже. Дверь подъезда распаивается и выбегает ГЛЕБ (в распахнутой кавалерийской шинели), бросается к Фёдору, обнимает, тормозит его.

ФЁДОР (обнимая Глеба). Братик!!!

ГЛЕБ. А я уже знал, что вы здесь: с владыкой на лестнице столкнулся.

(Оборачивается к Игнату и направляется к нему.)

Ну, здравствуй, Игнат! Куда ж мы без тебя!

Игнат, продолжавший возиться с упряжью, выпрямляется, проводя по глазам тыльной стороной ладони.

ИГНАТ. *Здравия желаю, ваше благородие!*

ГЛЕБ (смеясь и обнимая Игната). *Ты что, Игнат, никак слезу пустил?*

ИГНАТ. *Никак нет. Чего мне плакаться? Я ишию тогда Наталье Васильне сказывал: сам разберётся. Вот, видать, и разобрался. А здесь-то как очутился, Глеб Петрович?*

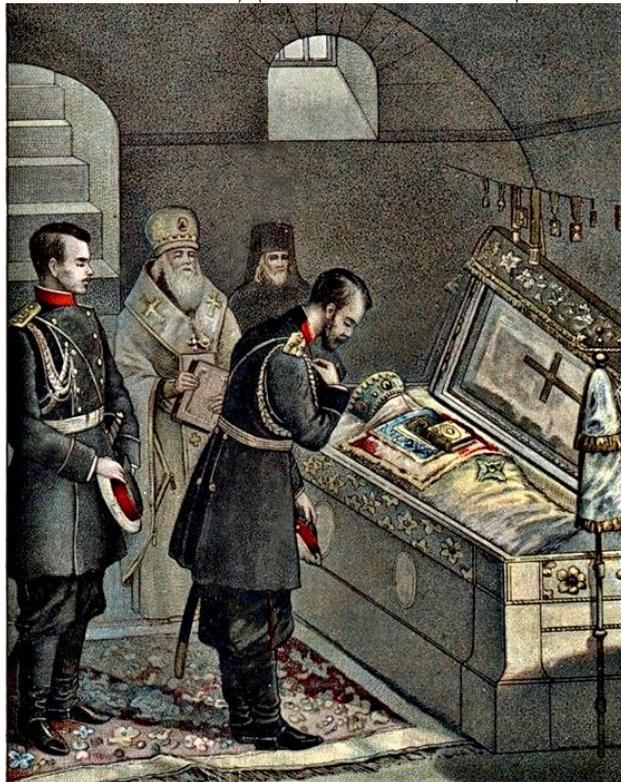
ГЛЕБ. *Послан в Киев полковником Дроздовским. Слышали о таком? А генерал Келлер пригласил меня, чтобы рассказал о Тобольске, о Государе. Генерал – железный человек, христианский рыцарь!*

(Обращается к Фёдору.)

Федя, поедем куда-нибудь, поговорим обо всём подробно.

Глеб садится в экипаж. Игнат забирается на козлы.

СЦЕНА 24. БЕЛГОРОД. СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СОБОР.

4-го Мая 1904 г. Е. И. В. Государь Император Николай Александрович прибыл в Бѣлгородъ и при посѣщеніи Св. Троицкаго Собора склонилъ чело предъ ракой святителя Іоасафа.

ЕПИСКОП НИКОДИМ заканчивает проповедь, обращенную к обвенчанным.

ЕПИСКОП НИКОДИМ. *Мы живём в страшное время: вновь распинается Христос, распинается Его Церковь, распинается Россия, а вместе с ней и все мы. Тяжко... Но тяжело было и Иисусу Христу, Богу нашему, на этой грешной земле. Теперь вам станет вдвое легче, чем раньше, – Христос соединил вас в одно тело для служения Ему. Служения и в молитве, и в праведной жизни, и на бранном поле за поруганные святыни и поруганную Россию. Служите Господу, и тогда вслед за распятием наступит воскресение. Храни вас Господь!*

(Все расходятся, епископ Никодим жестом просит Соколова подойти.)

Константин Владимирович, ваша матушка сказывала, что вы в Киев собрались... Печально, конечно, что служебные надобности заставляют вас покидать Варвару Петровну в такой момент... Но я всё-таки решил воспользоваться случаем. Мы тут с батюшками тоже

туда наведаться должны, на украинский Собор. Не могли бы мы совместить наши пути? А то времена жуткие. Как-то спокойнее, когда военный человек рядом...

СОКОЛОВ. *Сопроводить вас? С превеликим удовольствием. Я намеревался выехать через три-четыре дня. Вы тогда сообщите матушке свои планы, и мы всё согласуем. Благсловите, владыка.*

Епископ Никодим благославляет, Соколов быстро выходит.

СЦЕНА 25. КИЕВ. КРЕЩАТИК.

КВАРТИРА, В КОТОРОЙ ОСТАНОВИЛСЯ ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР.

За столом пьют чай **ЕПИСКОП НЕСТОР** (в архиерейском облачении с орденами, наперсным крестом на Георгиевской ленте) и **ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР** (человек богатырского сложения – больше двух метров роста, седеющие волосы и слегка закрученные усы; одет в генеральский мундир с Георгиевским крестом на шее; картавит).

«Первая шашка России» – генерал от кавалерии граф Артур Фёдорович КЕЛЛЕР (1857–1918) .

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Мы же с вами, владыка, можно сказать, однополчане. Слышал, слышал, как вы без шашки, с одним крестом, впереди моих лейб-драгун скакали. Такое и мне не снилось... Подумать только... На войне не удалось нам свидеться, а вот теперь... Рад, владыка, очень рад.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Шашка – это ваше дело, генерал. Моё – крест.*

(Указывает на Георгиевский крест на мундире Келлера.)

Да и у вас – крест. А теперь вот и Пресвятая Богородица будет вас охранять.

Епископ встаёт, разстёгивает свой портфель, лежащий на кресле, вынимает чёрный мешочек, подходит к Келлеру. Тот поднимается со стула. Епископ развязывает мешочек, вынимает просфору и шейный образок Державной Божией Матери, протягивает Келлеру. Генерал берёт их, целует образ.

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Спасибо, владыка!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Не меня благодарите, я – почтальон. Это Святейший Патриарх Тихон передаёт вам как человеку чести и преданности Государю.*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Государь точно убит?*

ЕПИСКОП НЕСТОР (крестится). *Да. Ещё в июле я сослужил Святейшему на панихиде по убиенном рабе Божиим бывшем Государе Николае.*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Бывшем...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Да, Государя изверги убили... Что мы только не предпринимали, чтобы вызволить его. Ничего не получалось...*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Знаю, только что рассказывал гусарский поручик.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Да, Государя убили... Но идея монархии жива. И сейчас, может быть, более жива, чем когда-либо за последнее время. И вы, генерал – её меч.*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР (чуть улыбаясь). *Шашка...*

Келлер подходит под благословение, владыка благословляет.

СЦЕНА 26. БЕЛГОРОД. ПАПЕРТЬ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА.

Великая княгиня ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА и Великий князь КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ (поэт К.Р.; 1858–1915) при выходе из Свято-Троицкого монастыря в сентябре 1911-го года в дни прославления в лике святителя Иоасафа, епископа Белгородского.

На паперти стоит ВАРВАРА в шубке поверх подвенечного платья. Из собора выходит СОКОЛОВ.

СОКОЛОВ (приобнимая Варвару). *Ну что, очень страшно было?*

ВАРВАРА (восторженно). *Нет!!!*

Варвара виснет на шее у Соколова.

**СЦЕНА 27. КИЕВ. КЕЛЬЯ ЕПИСКОПА НЕСТОРА В МИХАЙЛОВСКОМ
ЗЛАТОВЕРХОМ МОНАСТЫРЕ. Через неделю.**

Довольно просторная комната: киот, стол, небольшой шкафчик, две кровати по стенам. На одной из них лежит ФЁДОР. ЕПИСКОП НЕСТОР стоит у окна. Раздаётся стук в дверь, входит ГЛЕБ.

Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве.

ГЛЕБ. *Здравствуйте, владыка. Федя, вставай, хватит валяться.*

Владыка подходит к Глебу, благословляет. Фёдор встаёт, здоровается с братом.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Чем порадуешь? Ты аж весь сияешь.*

ГЛЕБ. *Есть от чего! Немцы уходят. Я только что от генерала Келлера: гетман так испугался этого Петлюры, что всю власть передаёт генералу. Теперь наше время настало! Генерал обещал поднять императорский штандарт не только здесь, но и над священным Кремлём!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Твоими бы устами да мёд пить... Боюсь, что эти самостийники не потеряют, чтобы ими командовал русский генерал.*

ГЛЕБ. *Какие там самостийники! Гетман уже опубликовал грамоту о воссоздании Всероссийской державы. Правда, на федеративных началах...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Вот-вот – на федеративных. А генерал этого захочет?*

ГЛЕБ. *С этим потом разберёмся... Да, ещё одна новость: здесь Костя Соколов, сопровождает епископа Никодима из Белгорода.*

(Фёдору.)

Мы теперь уже родственники: они повенчались с Варей.

ФЁДОР (пытаясь улыбнуться). *Хорошо.*

ГЛЕБ. *Аня бросила свой большевизм, живёт с батюшкой в Посаде.*

ФЁДОР. *Хорошо.*

ГЛЕБ. *Не куксись, Федя! Генерал формирует офицерские дружины, идём со мной!*

Дверь кельи приоткрывается, и в неё просовывается старушечья голова в платочке. Потом входит сама старушка – юродивая МАРФУША.

МАРФУША (протягивая епископу просфору). *Вот, просфорочку тебе, голубь, принесла из обители Покровской.*

ЕПИСКОП НЕСТОР (беря просфору). *Спаси Господи, Марфуша.*

МАРФУША. *Иверская Божия Матерь Нестору даст место.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Почему именно Иверская?*

МАРФУША (не отвечая, указывает на Фёдора). *А ты, соколик, никуда не ходи, здесь сиди.*

ФЁДОР. *Почему?*

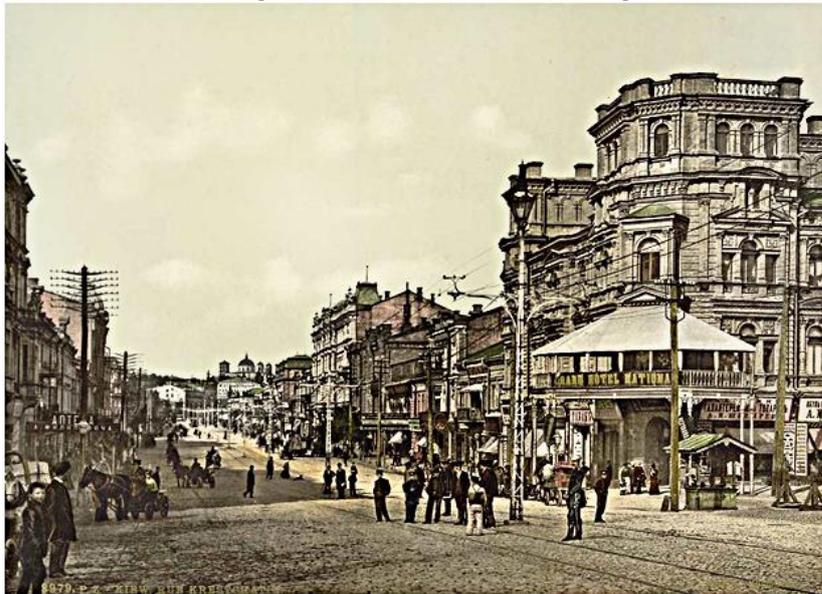
МАРФУША (ходит по комнате, изображая хромоту). *Лучше, соколик, ногу потерять, чем голову.*

ГЛЕБ. *А мне?*

МАРФУША. *И тебе, орёлик, лучше ногу потерять, чем голову. А может, и не так...*

Марфуша отвешивает низкий поклон и уходит. Все стоят в недоумении.

СЦЕНА 28. КИЕВ. КРЕЩАТИК. КВАРТИРА, В КОТОРОЙ ОСТАНОВИЛСЯ ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. Через месяц – начало декабря 1918-го года.

Улица Крещатик в Киеве.

По комнате рассказывает ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. В кресле сидит ЕПИСКОП НЕСТОР.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Петлюровцы, говорят, уже входят в город. Что вы собираетесь делать, генерал?*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Теперь уж ваше дело, владыка, – молиться за всех нас. Моё дело надо было раньше делать. Но как? Гетман поманил, дал власть, а только я принялся, тут же и отнял. А сами они кроме как орать в три глотки «Слава Украине! Гетьману слава!» ничего не могут. Это ни на что не похоже! Я им говорю «спасибо, молодцы!», а они мне отвечают про какую-то славу Украины!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Да, нет опоры... Без удерживающего всё на части разваливается.*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *И я об этом же. Я писал генералу Алексею: вот вы все толкуете об объединении России, об единой и неделимой. Но ведь это абстракция. Собрать и объединить разсыпавшееся можно только к одному определенному месту или лицу. И этим лицом может быть только прирождённый Государь... Или его наследник...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *А он – жив ли?*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР (не слушая). *Только с Богом в сердце и с Царём в душе можно спасти Россию, а не с демократической армией и свободным народом...*

Входит адъютант генерала Келлера полковник ПАНТЕЛЕЕВ.

ПАНТЕЛЕЕВ. *Ваше высокопревосходительство, там офицеры просят их принять.*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Пригласите.*

Пантелеев выходит.

Полковник гвардии

Андрей Андреевич ПАНТЕЛЕЕВ (1880–1818) .

По заданию подпольной монархической организации «Великая единая Россия» прибыл в Киев и вступил в армию гетмана П.П. Скоропадского. Состоял адъютантом штаба генерала Келлера. Вместе со штаб-ротмистром Николаем Николаевичем ИВАНОВЫМ не оставлял графа до последних минут. Все трое убиты петлюровцами.

СЦЕНА 29. КИЕВ. КРЕЩАТИК. КВАРТИРА, В КОТОРОЙ ОСТАНОВИЛСЯ ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР.

ПАНТЕЛЕЕВ возвращается с ГЛЕБОМ и СОКОЛОВЫМ. Они в грязных, мокрых от снега шинелях, башлыки откинута, винтовки на плечах. Кланяются владыке, тот крестит их.

ГЛЕБ и СОКОЛОВ (обращаясь к графу Келлеру). *Здравия желаем, ваше высокопревосходительство.*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Здравствуйте, господа. Чем могу служить?*

(Глебу.)

А, сумской гусар, который был в Тобольске. Помню-помню.

ГЛЕБ. *Это мой однополчанин ротмистр Соколов, с ним мы и ездили в Тобольск.*

СОКОЛОВ (Келлеру). *Фёдор Артурович, мы из дружины, которая записалась в вашу Северную армию. Нас около сотни собралось здесь рядом, в гостинице «Бояр». Решили, что не будем сдаваться на милость Петлюре. Потому просим: возглавьте нас и будем прорываться, чтобы сражаться дальше.*

ГЛЕБ. *У нас даже старших офицеров нет.*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР (в раздумье). *Так... так...*

(Епископу Нестору.)

Благословите, владыка?

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Это безумие, граф, у вас никаких шансов выбраться отсюда. Что такое сотня человек? А их – тьмы. Все говорят, что петлюровские войска окружили Киев. Нельзя рисковать жизнью своей и офицеров.*

ГЛЕБ. *Мы не сдадимся.*

СОКОЛОВ. *Лучше прорываться, чем ждать, когда эти жупанники перережут нас, как свиней.*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР (чуть прихрамывая расхаживает по комнате). *Вот видите, владыка... Что делать! Не могу же я бросить этих молодцов. И я не могу, и вам придётся благословлять.*

ЕПИСКОП НЕСТОР (вставая из кресла). *Тяжело благословлять на предприятие, которое рассудок ясно изображает как невыполнимое. Но что делать!..*

Со вздохом благословляет всех троих.

ГЛЕБ. *Владыка, а куда подевался Фёдор? Уже несколько дней его не вижу.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Чудесная история... Помнишь, что Марфуша ему сказала? – «Никуда, мол, не ходи, здесь сиди. Лучше ногу потерять, чем голову».*

(Генерал Келлер в это время достаёт из шкафа пашку и револьвер.)

И что ты думаешь? У Федюшки ни с того, ни с сего разболелась нога, распухла, воспалилась, в лубки её положили. И с вами он уж никак не пойдёт.

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР (надевая шинель). *Что ж, господа, я готов.*

Петлюровцы вступают в Киев, декабрь 1918-го года.

**СЦЕНА 30. МОСКВА. БОЛЬШАЯ ЛУБЯНКА, ЗДАНИЕ ВЧК.
Начало декабря 1918-го года.**

«Корабль смерти» – дом страхового общества «Якорь» на углу Большой Лубянки (№ 11) и Варсонофьевского переулка, штаб-квартира ВЧК в 1918–1920-х гг.

Вверху здания находились кабинеты чекистов, а внизу – двухэтажный полуподвальный зал, напоминающий корабельный трюм. Страховое общество там размещало архив. Посредине зала – небольшие комнаты-сейфы. В зале чекисты устроили общую тюрьму, а глухие комнатки приспособили для разстрелов. В этом же здании были камеры – общие, в которых размещалось до 200 арестантов, и одиночные, отделенные дощатыми перегородками. Разстрелы производились (до 1954-го года) и в гараже ВЧК (чуть дальше по Варсонофьевскому переулку).

Из просторного вестибюля наверх ведёт роскошная двухмаршевая лестница. На её первой площадке в нише стены красуется статуя античной богини с фонарем в высоко поднятой руке. У её ног – пулемёт. ЛЕНИН (в костюме) и ДЗЕРЖИНСКИЙ (в грязной гимнастёрке и больших сапогах) поднимаются по лестнице.

ЛЕНИН. Феликс Эдмундович, сколько на данный момент злостных контрреволюционеров находятся у нас в тюрьмах?

ДЗЕРЖИНСКИЙ. Около полутора тысяч, Владимир Ильич.

ЛЕНИН. Что значит «около»? Во всём необходима предельная точность и сугубая конкретность.

Дзержинский разстёгивает карман гимнастёрки и вынимает пачку сложенных вчетверо листов, соединённых большой скрепкой, подаёт Ленину.

ДЗЕРЖИНСКИЙ. Вот – конкретность. Здесь список наиболее злостных. Остальное доделываем.

Ленин и Дзержинский доходят до площадки, останавливаются у фигуры богини. Ленин указывает на статую.

ЛЕНИН. Хорошая статуя! Символ вашей ЧК! Вот с таким фонарём мы должны выискивать всю контрреволюционную сволочь и уничтожить её!

Ленин бегло просматривает список.

ДЗЕРЖИНСКИЙ. *Мы стараемся, Владимир Ильич. Согласитесь, что Чрезвычайные комиссии – это лучшее, что могут дать наши советские органы!*

**Председатель ВЧК Феликс Эдмундович ДЗЕРЖИНСКИЙ (1877–1926)
в своём кабинете на Лубянке, 11.**

Сверху по лестнице спускаются два чекиста, сопровождающие СЕРГЕЯ БЕЗДЕТНОГО (серия 2, сцены 2, 21, 23, 33; серия 3, сцена 11). Тот идёт, ссутулившись, опустив голову. Ленин бросает на него взгляд. Бездетный расправляет плечи, поднимает голову и в упор смотрит на Ленина. Сергея проводят к лестнице, ведущей в подвал.

ЛЕНИН (Дзержинскому). *Это что за типус?*

ДЗЕРЖИНСКИЙ. *Молокосос, но отъявленный враг. Ещё в октябре 17-го стрелял по нашим. Чуть не убили его тогда, как-то выкарабкался. Но уроком это не стало. Сейчас взяли по делу тайной контрреволюционной организации.*

ЛЕНИН. *Допрыгался до ЧК, голубчик!*

ДЗЕРЖИНСКИЙ. *За него, кажется, просил Смидович.*

ЛЕНИН. *К чёрту смидовичей! Как сейчас говорит сознательный революционный народ? – К стенке! – он говорит. Вот и будем ставить к стенке. Пока нет насилия над массами, нет иного пути удержать власть!*

СЦЕНА 31. КИЕВ. КРЕЩАТИК.

Идёт снег, начинают сгущаться зимние сумерки. Впереди виднеется шпиль Городской думы. По пустому Крещатику движется ОТРЯД ГЕНЕРАЛА КЕЛЛЕРА. Впереди – сам генерал в высокой волчьей папахе, солдатской шинели, шароварах с синими лампасами.

Рядом с ним ПАНТЕЛЕЕВ и СОКОЛОВ. За ними офицеры, юнкера, студенты, кадеты, вооруженные кто винтовкой, кто карабином, кто без оружия. Сзади движется ломовая телега, лошадью правит ИГНАТ. К Келлеру подбегает запыхавшийся ГЛЕБ.

Отряд шарахается назад, сбивается в одну кучу, кое-кто убегает в переулки. Из-за снежной завесы появляется, продвигаясь вперёд, сплошная (от дома до дома) серая цепь петлюровцев.

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Заворачивай оглобли! В переулок!*

Улица Крещатик в Киеве. Здание со шпилем – Городская дума.

ГЛЕБ. *Ваше высокопревосходительство, впереди петлюровцы. Очень много!*

Отряд разворачивается, движется назад, перетекает в переулок и выходит на небольшую площадь. Она находится внизу; улицы проходят над ней; наверх ведёт вделанная в стену каменная лестница. Отряд останавливается. Вдруг сверху начинают стрелять из пулеметов и винтовок. Несколько человек падает, в их числе Соколов.

ЮНКЕР. *Господа, нужно бежать, это ловушка!*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Отставить панику! Вперёд, на штурм лестницы! Выбить тех, кто бьёт по нам!*

Глеб, стреляя на ходу, бросается на лестницу, к нему присоединяются несколько офицеров, за ними увлекаются все остальные. Петлюровцы отступают.

ГЛЕБ (кричит). *Жупанники сиганули!*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР (сумрачно, подходя к Глебу). *Да, ушли... Но они нас обнаружили... Бывают такие победы, которые очень похожи на поражения...*

ГЛЕБ. *Мы же их выбили!*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР (Глебу). *Они сейчас вернуться, усилившись многократно. В этом нет никаких сомнений.*

(Обращается ко всем.)

Господа, должен вам сказать, что дело наше проиграно, расходитесь по домам, кто куда может. Кому деться некуда, идут со мной к Михайловскому монастырю, там нам обещали помощь.

ГЛЕБ. *Да, там владыка Нестор... Фёдор Артурович, я вас догоню... На площади с ротмистром Соколовым что-то случилось.*

Глеб спускается вниз.

Петлюровцы.

СЦЕНА 32. КИЕВ. ОКОЛО ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

На пустынной площади лежат несколько тел, стоит брошенная лошадь с телегой. ГЛЕБ спускается по лестнице, осматривает тела лежащих. Находит СОКОЛОВА, склоняется над ним, тормошит.

ГЛЕБ. *Костя, Костя!..*

Соколов приоткрывает глаза.

СОКОЛОВ. *Что со мной? Ранен?*

Пытается подняться. К ним не спеша подходит Игнат.

ИГНАТ. *Какое там, ранен. Видал я. Как стрелять-то зачали, все всполошились. Студентик впрёд вас стоял. Он ружжю, видать, никогда и не держал в руках. Стал им махать во все стороны и прям в лоб вашему благородию. Вот и всё ранение...*

Игнат отходит к телеге. Соколов ощупывает голову. На ней, как рог, выпирает шишка.

СОКОЛОВ (смеясь и поднимаясь с помощью Глеба). *Надо же, за всю войну не царапнуло, а тут от студента схлопотал.*

ГЛЕБ. *Ладно, тяжелораненый, пойдём генерала догонять.*

ИГНАТ (подходя к ним). *Надо ж, вроде всё пусто здесь было, а вещички генераловы уж кто-то пристроил. Жаль вещичек!*

Все трое поднимаются по лестнице.

СЦЕНА 33. МОСКВА. ЗДАНИЕ ВЧК.

ЛЕНИН и ДЗЕРЖИНСКИЙ по-прежнему стоят около статуи античной богини с фонарем. Ленин заканчивает просмотр списка арестованных. Потом вынимает из кармана пиджака красный карандаш и ставит на списке жирный крест. Протягивает бумаги Дзержинскому.

ДЗЕРЖИНСКИЙ (смотря на поставленный крест). *Всех?*

ЛЕНИН. *Только не трубите об этом на каждом углу. А те, кому надо, сами на своей шее всё узнают.*

ДЗЕРЖИНСКИЙ. *В условиях широкой гласности работа ЧК обречена на бесплодность!*

ЛЕНИН. *Вот-вот... Гидра контрреволюции снова поднимает свои головы. Надо рубить их.*

Вокруг них начинают собираться ЧЕКИСТЫ, слушают Ленина.

ЛЕНИН (горячась и обращаясь уже ко всем собравшимся). *Вопрос: как отрубить эти головы? Ответ: провести безошибочный массовый террор против белогвардейцев, богатеев, их прихлебателей, против попов и буржуазных интеллигентов. Война саботажникам, жуликам, туеядцам и хулиганам! Разстреливать безошибочно! Сомнительных запереть в концентрационные лагеря!*

Чекисты громко аплодируют. Фонарь из рук богини падает и разбивается о мрамор площадки между Лениным и Дзержинским. Все вздрагивают. Ленин закрывает голову руками. Дзержинский хватается за кобуру, оглядывается вокруг. Чекисты разбегаются осматривать здание. Несколько секунд царит молчание.

ЛЕНИН (опомнившись, натужно смеётся). *Вот видите, Феликс Эдмундович... Крепче держите фонарь революции и не стесняйтесь в борьбе с нашими врагами!*

СЦЕНА 34. КИЕВ, МИХАЙЛОВСКИЙ ЗЛАТОВЕРХИЙ МОНАСТЫРЬ. Через неделю.

Вечер. На первом этаже корпуса монастырской гостиницы расположен штаб петлюровских сечевиков, на втором содержатся под арестом генерал Келлер и его адъютанты. ЕПИСКОП НЕСТОР без панагии на груди, под видом простого монаха, с просфорой в руке подходит к штабу, поднимается на второй этаж. У двери кельи, где содержатся пленники, стоят часовые – два сечевика, на шинелях красные и жовто-блакитные банты. Епископ Нестор, держа просфору на вытянутой руке, не обращая внимания на часовых, открывает дверь и проходит внутрь. Сечевики застыли: недоуменно смотрят на епископа и молчат. Епископ входит в келью, благословляет ГЕНЕРАЛА КЕЛЛЕРА.

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Благодарю, владыка, что нашли возможность проникнуть к арестанту.*

(Подходит к шкафу и достаёт большой запечатанный пакет.)

У меня к вам нижайшая просьба.

(Протягивает пакет.)

Спасите этот штандарт Северной армии. Нет знамени – нет армии. А со мной оно исчезнет, как исчезла моя георгиевская шапка: ею сейчас похваляется мерзавец Петлюра.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Я постараюсь вынести штандарт, но и вы попытайтесь уйти отсюда. Здесь есть подземный ход, ведущий в другой корпус, а там можно выбраться и за ограду обители.*

ГЕНЕРАЛ КЕЛЛЕР. *Нет, русский генерал не будет бегать от сброда. От немцев не бегал и от этих не побегу. Немцы враги, но я их уважаю, хотя и ненавижу... А украинских самостийников презираю как предателей и разнузданных бандитов. И мне, генералу Келлеру, бежать от них?*

Епископ прячет пакет под подрясник, со вздохом благословляет графа и выходит.

СЦЕНА 35. СЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПОД СЕРГИЕВЫМ ПОСАДОМ, В КОТОРОЙ ТЕПЕРЬ СЛУЖИТ ОТЕЦ ПЁТР. Декабрь 1918-го года.

Зимние сумерки. Всё вокруг занесено. Идёт снег, в воздухе мелькают крупные снежинки. Вдалеке ярко светятся окна церкви, из неё доносится пение. Вдруг его начинают заглушать разудалые звуки гармошки. Пьяные голоса поют частушки:

*Меня маменька ругает,
Что я в церкву не хожу.
На гармошке заиграют,
А я по полу пляшу.*

Из снегопада начинает вырисовываться ватага пьяных парней. Они размахивают горящими и дымящими факелами. Играют на гармошке и поют:

*Все святые загуляли,
Видно, бога дома нет.
Бог уехал за границу
И не будет сорок лет.*

Ватага с криками и пением приближается к церкви. Впереди идёт высокий КРАСНОРОЖИЙ ПАРЕНЬ в тулупе, без шапки. На плече болтается гармошка, в одной руке – наган, а другой он тащит ПРЕСТАРЕЛОГО СВЯЩЕННИКА. Облачение священника местами разорвано, на лице видны побои. Ватага останавливается у церкви, из которой снова доносится пение.

КРАСНОРОЖИЙ (снимает с плеча гармошку и суёт священнику). *Пой, давай! Нашенские песни пой! Чтобы вой ваш заглушило! Пой и пляши, гнида!*
СВЯЩЕННИК (слабым, тихим голосом). *Я не знаю ваших песен.*
2-й ПАРЕНЬ. *А я ща научу.*

(Играет на гармошке и поёт.)
*Не ходите, девки, замуж,
Ничего хорошего.
Утром встанешь – сиськи набок
И сама взъерошена.*

КРАСНОРОЖИЙ (надевает на плечи священника ремни гармошки). *Слышал? Научилси?*

(Бьёт священника по затылку.)

Играй, отродье поповское!

СВЯЩЕННИК. *Не могу...*

КРАСНОРОЖИЙ. *Зато мы могём! В минуту к твоей поповне сбегает и попользуемся ею. Да и попадъёй не погреем, не так-то уж и стара. Играй!*

Священник дотрагивается до клавиатуры, гармошка издаёт хаотические звуки.

СВЯЩЕННИК. *Не ходите, дев...*

Священник хватается за сердце и медленно опускается на землю.

3-й ПАРЕНЬ (наклоняясь над ним). *Кажись, издох...*

КРАСНОРОЖИЙ. *Ничё, другого найдём.*

(Складывает ладони рупором и орёт в направлении церкви.)

Эй, батюшка, выходи, вместе помолимси!

Дверь церкви приоткрывается, из неё высовывается АГАФЬЯ. Она осматривает всё вокруг, видит лежащего священника.

2-й ПАРЕНЬ. *Эй, бабочка, зови свово попа!*

(Указывает на тело священника.)

А то наш вон малёк притомилси.

Агафья захлопывает дверь; из церкви доносится её крик.

АГАФЬЯ. Народ! Люди православные! Антихристы пришли! Не дадим души наши погубить!

СЦЕНА 36. МОСКВА. НОВОСЛОБОДСКАЯ УЛИЦА. Декабрь 1918-го года.

Раннее утро. Пустынный город. Только к магазину с вывеской «ХЛЕБ» с левой стороны улицы тянется длинная очередь, состоящая, в основном, из женщин и подростков. Холодно; люди переминаются с ноги на ногу, подпрыгивают; изо ртов идёт пар. Некоторые, стоящие впереди, держат в руках хлебные карточки. Магазин ещё не открылся. Со стороны Лесной улицы появляется конвой, ведущий арестованных с Лубянки в Бутырки. Среди арестованных – СЕРГЕЙ БЕЗДЕТНЫЙ (в студенческой шинели, шапке-ушанке). Конвой натывается на очередь, пытается пройти сквозь неё. Шум, крики. Некоторые женщины отталкивают конвойных, стремясь сохранить свое место в очереди.

КОМАНДИР КОНВОЯ. Граждане, разойдитесь! Пропустите сотрудников ВЧК!

В очереди кто-то отступает, кто-то остаётся на месте. В этой сутолоке БАРЫШНЯ, стоящая в очереди, протягивает Сергею маленький свёрточек в пергаментной бумаге.

БАРЫШНЯ (шёпотом). Возьмите, пожалуйста, там – пирожок.

Очередь за хлебом в Москве 1918-го года.

Конвой по-прежнему пытается раздвинуть очередь. Сергей делает шаг по направлению к барышне, берёт свёрточек. Потом обнимает барышню и целует. Конвой вместе с арестованными наконец-то пробивается через толпу и направляется дальше. Сергей остаётся в очереди.

СЦЕНА 37. ПОД СЕРГИЕВЫМ ПОСАДОМ.

Из церкви высыпают прихожане. Мужики бегут к сарайчику. АГАФЬЯ идёт к толпе парней, вырывает у одного из них факел и начинает крестить им толпу. То же самое делают другие бабы. Искры сыплются на одежду и лица парней. У дверей неподвижно стоят ОТЕЦ ПЁТР и АННА.

1-й БАБИЙ ГОЛОС. *Ироды!*

2-й БАБИЙ ГОЛОС. *Сёмка, сволочь, заявись-ко токмо до дому!*

3-й БАБИЙ ГОЛОС. *Пожжём всех, чертеняк!*

КРАСНОРОЖИЙ ПАРЕНЬ поднимает руку с наганом, стреляет в воздух. Женщины замирают. Из сарайчика выбегают мужики с лопатами, досками, поленьями и бросаются на парней. Кто-то выбивает у краснорожего наган.

2-й ПАРЕНЬ. *Эти скаженные перебьют нас всех!*

3-й ПАРЕНЬ. *Ходу, ребята!*

Парни беспорядочно убегают. Мужики швыряют вслед им поленья. Один из них с размаху бьёт ногой брошенную гармошку, та издаёт жалобный звук. Камера показывает лежащее на снегу тело священника.

СЦЕНА 38. КИЕВ. ДВОР МИХАЙЛОВСКОГО МОНАСТЫРЯ.

На крыльцо монастырской гостиницы выходит ЕПИСКОП НЕСТОР. Тут же дверь гостиницы снова открывается и выбегает петлюровский СОТНИК.

СОТНИК (епископу Нестору). *На який пидстави ты сюды заходыв?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Шо це таке, я ж монах, та принис святыи хлеб до графа, та и все.*

Епископ Нестор начинает спускаться с крыльца. Сотник бьёт его кулаком по затылку и пинает ногой в спину. Епископ кубарем летит со ступеней крыльца, падает на снег. Сотник уходит в здание. Епископ встаёт, отряхивается и выходит за ограду монастыря. Внутри ограды слышен топот и крики петлюровцев.

ПЕТЛЮРОВЕЦ. *Де той монах, що ходыв до грахва Келлера?*

Епископ убыстряет шаг.

СЦЕНА 39. ПОД СЕРГИЕВЫМ ПОСАДОМ.

Прихожане поднимают тело священника и несут к церкви. ОТЕЦ ПЁТР и АННА какое-то время остаются на месте, потом медленно направляются вслед за ними.

АННА. *Эти парни – порождение тёмных масс! Их надо просвещать...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Нет, девочка моя, это не тёмные массы, это – революция. Вот это и есть настоящая революция. Ещё гениальный Тютчев говорил, что антихристианский дух есть душа революции. Все её меняющиеся формы и лозунги, даже насилия и преступления – всё это частности. А оживляет её именно антихристианское начало. Оно-то и даёт революции столь грозную власть над миром.*

АННА. *Вы хотите сказать, батюшка, что сам Ленин приказал убивать священников?*

ОТЕЦ ПЁТР. *Именно это я и хотел сказать, Аннушка. Подумай сама: Ленин призвал народ к разрушению старого мира. А самая глубинная основа этого мира – Бог! Можно огнём выжечь то, что на поверхности, но если в душах людей останется Божественная основа, всё возродится. Твой Ленин прекрасно понимает: не уничтожив Бога в сердцах, он никогда не победит и никакого «нового мира» не построит.*

АННА. *Батюшку довели до смерти не большевики, а бандиты.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Правильно, бандиты. Только они теперь не на каторге, не в острогах, а во главе всяких советов, отрядов, комиссий. Ленин и 이제 с ним спустили этих подонков общества с цепи, как лютых псов. Сверху свистят, а снизу – кусают и реут на части. Народ сам сказал про себя: из нас, как – из дерева, – и дубина, и икона. Вот большевики и делают дубину. Но икона ещё всё-таки осталась. Пока осталась...*

(Указывает на прихожан, возвращающихся в храм.)

Кто возобладает? Не знаю...

КОНЕЦ ШЕСТОЙ СЕРИИ